

7. Обзор практики применения мер пресечения в виде личного поручительства, залога и домашнего ареста // Информ. бюлл. Прокуратуры Респ. Беларусь. – № 34. – Минск, 2006. – С. 175–186.

УДК 343.1

Самарин Вадим Игоревич

Белорусский государственный университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ПОСРЕДСТВОМ ГАРМОНИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

С развитием мобильных технологий, ростом передвижения граждан, созданием интеграционных экономических образований и в целом глобализацией общественных отношений закономерно наблюдается сближение правовых систем. На первый взгляд, интеграция в экономической сфере не должна затрагивать уголовно-правовую составляющую правовой системы. Более того государства традиционно воздерживаются от вмешательства в сферу уголовного наказания и уголовного процесса в рамках интеграционных образований. Препятствием для сближения уголовного закона в целом и уголовно-процессуального в частности является тот факт, что уголовное право все еще рассматривается как основа национального суверенитета и тем самым упорно защищаются национальные интересы. Попытки сближения в рассматриваемой сфере связываются большинством государств с потерей суверенных прав. Политическому процессу сближения уголовно-правовой процедуры не хватает также научного фундамента, с помощью которого можно было бы вести разъяснительную работу [1, с. 4].

При анализе сближения уголовно-процессуального законодательства в литературе (прежде всего англо- и немецкоязычной) можно встретить разнообразные термины: гармонизация (*harmonisation, Harmonisierung*), унификация (*unification, Vereinheitlichung*), конвергенция (*convergence, Konvergenz*), кодификация (*codification, Kodifizierung*). Авторы не всегда делают разграничение между этими терминами. Так, указывается, что гармонизация уголовного права и

уголовного процесса не есть унификация, а лишь сближение составляющих различных уголовных юрисдикций и создание общих правовых рамок [2, с. 61]. Можно заметить, что наиболее четкому разграничению подвергаются «гармонизация» и «унификация». Последняя представляет собой более «жесткое» сближение: подмена норм нескольких государств общей нормой либо нормой одного из государств. В гармонизации же государствам задаются только общие направления сближения, а они сами вольны выбирать пути его осуществления с учетом местных правовых традиций и политических предпочтений. Аппроксимация (approximation) и конвергенция в большинстве случаев являются синонимами сближения [3; 4].

Следует учитывать, что сближение уголовно-процессуального права может происходить не только на межгосударственном уровне, но и внутри государства. Поэтому, если рассматривать методы сближения, то следует выделить:

- заключение международных договоров (возможность делать оговорки может поставить под сомнение единство применения);
- наднациональное нормотворчество (позволяет сблизить нормы и, как правило, использовать судебный орган для толкования);
- «мягкое право» (принятие модельных законов, которые не гарантируют идентичность, но могут стать дополнением к наднациональному праву на период достижения консенсуса);
- судебное разъяснение (при формировании единой внутригосударственной практики верховные либо конституционные суды нередко ссылаются на международные стандарты, судебную практику Европейского суда по правам человека и т. д.).

Сближение права может носить характер целенаправленной деятельности субъектов (скоординированное, формальное, организованное сближение, coordination) либо быть спонтанным [5, с. 123, 353–362] (проявляется в односторонней либерализации национального права, ведущей к созданию схожих правовых механизмов [6, с. 264]). Последнее более характерно для частного права.

Надо отметить, что у сближения уголовно-процессуального права имеются и противники. Так, отдельные авторы сомневаются, может ли национальное уголовное право (в широком смысле), которое направлено на охрану правовых ценностей публичного, экономического и общественного порядка, вообще быть предметом правового сближения [1, с. 6].

Сближение уголовно-процессуального права вызывается, прежде всего, гармонизацией законодательства отдельных государств, под которой понимают сближение законодательства государств, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах (ст. 2 Договора о Евразийском экономическом союзе) либо замену многочисленных и разнообразных национальных правил по определенному вопросу единым правилом [7, с. 589]. Хотя в литературе отмечается, что единого определения гармонизации в правовой сфере не существует и не всегда данный термин отделяют от иных схожих [8, с. 626]. Можно согласиться, что гармонизация сближает правовые системы, оставляя определенные различия [9, с. 31]. При гармонизации в уголовно-правовой сфере возникает фундаментальная проблема: значение приобретает различие культур и это затрагивает самую сущность [10, с. 38]. Гармонизация направлена на преодоление различий и минимизацию противоречий в праве, однако делает это главным образом на уровне принципов, идей и руководящих положений [11, с. 38].

При создании интеграционных образований в сфере экономической политики гармонизация законодательства направлена на устранение неблагоприятных для надлежащего функционирования общего рынка различий в конкретных отраслях права в рамках национальной правовой системы каждого отдельного государства-члена [12, с. 108]. В целом усиление сотрудничества государств в политической, экономической, культурной и иных сферах является закономерной предпосылкой для гармонизации правовых предписаний. Хотя более важной, чем экономическое сближение, предпосылкой формирования схожих правовых стандартов в сфере уголовного процесса на общемировом пространстве становится дальнейшая гуманизация и социализация права как инструмента реализации универсальной концепции прав человека [13, с. 40]. Гармонизация в сфере уголовного правосудия должна оцениваться как определенная мера по обеспечению прав человека в уголовном процессе, а не как основание для создания единого (унифицированного) уголовного процесса [14, с. 291].

Учитывая также, что процессуальное право тесно связано с материальным, можно отметить, что гармонизация последнего закономерно вызовет и сближение процессуальных норм. Например,

Конституционный Суд Республики Беларусь отметил, что для добросовестного исполнения обязательств, принятых Республикой Беларусь в рамках ЕАЭС, предполагается гармонизация законодательного регулирования общественных отношений в отдельных сферах, в том числе уголовно-правовой. К настоящему моменту в ЕАЭС можно заметить гармонизацию лишь материальных уголовных норм и то, она носит спорадический характер.

Специальными целями гармонизации уголовно-процессуального законодательства можно назвать:

1) обеспечение взаимного признания судебных и схожих процессуальных решений, основанного на взаимном доверии иностранным системам правосудия (а, как следствие, признание доказательств, полученных в иностранной юрисдикции);

2) обеспечение равенства граждан и их прав для ликвидации всякой дискриминации по признаку гражданства (в том числе как элемент свободы передвижения рабочей силы).

Говоря о конкретных шагах, прежде всего должны быть выработаны общие стандарты собирания доказательств и “fair trial” («справедливое судопроизводство»). Разница в развитии национального уголовного правопорядка в рамках все более глубоких интеграционных процессов в сфере экономики, культуры и политики таит в себе угрозу региональных отклонений. А такие отклонения не будут способствовать равному отношению ко всем гражданам государств – членов ЕАЭС. Особенно четко можно заметить такое различие в сфере доказательственного права. Как оценить доказательство, собранное вне территории Беларуси? Следует ли руководствоваться нормами законодательства государства, где были собраны такие доказательства? Что делать, если нормы такого государства о допустимости доказательств в уголовном процессе не в полной мере соответствуют принципам уголовного процесса Беларуси? Для того чтобы обеспечить допустимость доказательств, собранных при проведении следственных действий в иностранном государстве, возможно, в будущем придется идти по пути гармонизации законодательных предписаний как о порядке проведения отдельных следственных действий, так и самих правил оценки доказательств.

Сближение законодательства в уголовно-процессуальной сфере должно вести не только к созданию благоприятных условий для ведения совместной борьбы с преступностью, но и должно содействовать

всемерной защите прав граждан государств-членов, которые оказались причастными к уголовному процессу на территории другого государства-участника. При этом речь следует вести прежде всего о правах обвиняемого (подозреваемого, подсудимого) и потерпевшего. С этой целью необходимо принять рекомендации о минимальных гарантиях в уголовном процессе. На наш взгляд, в равной степени на территории всех государств – участников ЕАЭС должны быть обеспечены право на защиту, в том числе посредством оказания квалифицированной юридической помощи, а также производное от него право на информирование (на доступном потерпевшему и обвиняемому языках) о своих процессуальных правах, а также о подозрении или предъявляемом обвинении. Потерпевшему (как и свидетелю) должно быть всецело гарантировано право не свидетельствовать против себя и членов своей семьи и близких родственников, дабы не принуждать человека к моральным страданиям. Белорусский законодатель справедливо позволяет человеку воспользоваться таким правом на любом этапе уголовного процесса, так как не допускает оглашения показаний, данных при досудебном производстве, если потерпевший или свидетель, воспользовавшись правом, предоставленным им законом, не дали согласия на дачу показаний в судебном разбирательстве (ср.: ч. 2 ст. 303 УПК Беларуси и п. 1 ч. 4 ст. 56 и ч. 4 ст. 281 УПК РФ).

Дальнейшее сближение уголовно-процессуальных предписаний возможно через формулирование единых правил презумпции невиновности и стандартов применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

Доверие, указанное выше, должно вести к применению принципа *ne bis in idem* и вне оказания международной правовой помощи по уголовным делам. Лицо не должно подлежать уголовной ответственности, если в ином государстве в отношении совершенного им деяния уже вынесено окончательное (как правило, судебное) решение.

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на внедрение в самую чувствительную сферу правового регулирования, напрямую затрагивающую суверенитет государств, гармонизация уголовно-процессуального законодательства постепенно проявляется в рамках интеграционных образований и международных (региональных) организаций. Подобная форма сближения уголовно-процессуального права с учетом практики правоприменения, накопленной в нескольких

государствах, будет способствовать более эффективному применению такого права, а тем самым достижению задач, стоящих перед уголовным процессом.

Библиографический список

1. Esser, R. Auf dem Weg zu einem europäischen Strafverfahrensrecht / R. Esser. – Berlin: De Gruyter Recht, 2002. – 909 S.
2. Hufnagel, S. Policing Cooperation Across Borders: Comparative Perspectives on Law Enforcement within the EU and Australia / S. Hufnagel. – London : Routledge, 2016. – 368 p.
3. Amann, D. M. Harmonic Convergence? Constitutional Criminal Procedure in an International Context / D. M. Amann // Indiana Law Journal. – Vol. 75, March/April. – 2000. – P. 809–873.
4. Ringnalda, A. Procedural Tradition and the Convergence of Criminal Procedure Systems: The Case of the Investigation and Disclosure of Evidence in Scotland / A. Ringnalda // American Journal of Comparative Law. – Volume 62, Number 4. – December 2014. – P. 1133–1166.
5. Brownsword, I. R. The Foundations of European Private Law / I. R. Brownsword, H.-W. Micklitz, L. Niglia, S. Weatherill. – Oxford : Hart Publishing, 2011. – 648 p.
6. Elbalti, B. Spontaneous Harmonization and the Liberalization of the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments / B. Elbalti // Japanese Yearbook of Private International Law. – Vol. 16. – 2014. – P. 264–288.
7. Barnard, C. The Substantive Law of the EU. The Four Freedoms / C. Barnard. – New York: Oxford University Press, 2007. – 643 p.
8. Klip, A. Harmonisierung des Strafrechts – eine fixe Idee? / A. Klip // Neue Zeitschrift für Strafrecht. – 2000. – Heft 12. – S. 626–630.
9. Delmas-Marti, S. M. The Implementation of the Corpus Juris in the Member States / S. M. Delmas-Marti, J.A.E. Vervaele. In 4 vol. – Vol. 1. – Antwerpen: Intersentia, 2001. – 530 p.
10. Rüter, F. Harmonie trotz Dissonanz / F. Rüter // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. – 1993. – Heft 1. – S. 30–47.
11. Terekhov, V. V. Harmonization of civil procedural law: problems and prospects / V. V. Terekhov // “World & Science” “Svět a věda”. – Brno, 2014. – P. 35–47.
12. Jokisch, J. Gemeinschaftsrecht und Strafverfahren : die Überlagerung des deutschen Strafprozessrechts durch das Europäische

Gemeinschaftsrecht, dargestellt anhand ausgewählter Problemfälle / J. Jokisch. – Berlin: Duncker&Humblot, 2000. – 285 s.

13. Ярков, В. Некоторые проблемы интернационализации цивилистического процесса и гражданских юрисдикций в России / В. Ярков, И. Медведев, С. Трушников // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 1. – С. 40–46.

14. Azubalyte, R. Tendencies of the Development of the Lithuanian Criminal Procedure Law / R. Azubalyte // Jurisprudencija. – 2010. – № 119. – P. 281–296.

УДК 347.952

Скобелев Владимир Петрович

Белорусский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Реформа исполнительного производства значительно сузила полномочия судов по осуществлению непосредственного (прямого) контроля за деятельностью органов принудительного исполнения, сведя данный контроль фактически лишь к возможности рассмотрения жалоб (протестов) на постановления, действия (бездействие) работников данных органов. При этом правовое регулирование порядка рассмотрения жалоб (протестов) в настоящее время страдает рядом недостатков, которые могут негативным образом сказаться на эффективности соответствующего судебного контроля.

1. Согласно ч. 1, 2 ст. 360-3 ГПК, ст. 46-2, ч. 1, 2 ст. 266-3 ХПК, ч. 1, 2 ст. 124 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 439-З) предметом судебного обжалования (опротестования) являются постановления, действия (бездействие) работников органов принудительного исполнения, связанные с непосредственным исполнением исполнительных документов. Такая формулировка наводит на мысль, что есть постановления, действия (бездействие) работников органов принудительного исполнения, которые хоть и имеют отношение к исполнительному производству, однако с непосредственным